

Евгений Васильевич Семёнов

ГРАНТЫ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ: ОПЫТ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА

Создание и деятельность Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) — часть многотрудной созидательной работы ответственной части российского научного сообщества в драматичный период 1990-х годов. Опыт РГНФ представляет ценность как пример успешного реформирования науки и заслуживает изучения. Становление, устройство и деятельность РГНФ специально анализируются во многих публикациях, в том числе в двух монографиях автора [39; 40].

1. Визитная карточка РГНФ

РГНФ образован Правительством России в 1994 г. в целях поддержки гуманитарной науки и распространения гуманитарных знаний в обществе. За Фондом закреплён 1 % федеральных затрат на науку. (В среднем это 10 млн долл. США в год.) Фонд адресно поддерживает научные проекты (работы, а не организации), отбираемые на конкурсной основе независимыми экспертами.

РГНФ представляет собой организацию, в штате которой всего 40 человек. Это аппарат Фонда, обеспечивающий проведение конкурсов, финансирование проектов, в целом функционирование организации. Высшим органом РГНФ является Совет Фонда, состоящий из 26 человек, крупных и авторитетных ученых, организаторов науки, в том числе президентов трех академий наук, имеющих государственный статус, и руководителей государственных ведомств, в том числе трех министров и одного первого заместителя министра. В РГНФ создана мощная экспертная система, в которой работают 1155 докторов наук — авторитетных ученых из более чем 300 организаций разных ведомств, десятков регионов страны.

В Фонд ежегодно поступает 4—4,5 тыс. заявок; 1400—1500 из них, т. е. одна из трех, принимаются к финансированию. Поскольку часть проектов рассчитана на 2 или 3 года, Фонд ежегодно финансирует около 2,5 тыс. научных проектов, в которых занято порядка 15 тыс. ученых. Основной массив проектов выполняется в организациях Российской академии наук (РАН) и высшей школы: 50—55 % — в РАН и 25—30 % — в университетах. Масштабным и исключительно интенсивным является сотрудничество Фонда с РАН. Объем связей РГНФ и научных организаций РАН, а также значение их для обеих сторон настолько велики, что можно говорить о сложившемся устойчивом симбиозе гуманитарного сегмента РАН и Фонда. РГНФ имеет тесные связи с Российской академией образования (РАО) и с Российской академией архитектуры и строительных наук (РААСН), с которыми его связывают договоры о совместной деятельности, а также с Российской

академией медицинских наук (РАМН) и Российской академией сельскохозяйственных наук (РАСХН).

В научной тематике преобладают исторические и филологические работы, составляющие по 25—30 % общего числа проектов. Экономические и философские проекты составляют заметную долю (по 12 %). Далее следуют социология, психология, педагогика, искусствоведение (по 5—7 %). Меньше науковедческих и политологических работ. Абсолютным аутсайдером является правоведение во все годы, кроме конкурса 2003 г. В последнем конкурсе правоведение и политология поменялись местами.

Фонд поддерживает несколько видов проектов. Исследовательские проекты составляют более половины всех работ. Второй крупной программой является издательская. За 100 месяцев существования РГНФ на гранты издано более трех тысяч научных книг, т. е. при поддержке РГНФ издается в среднем по одной научной книге в день. Поддержано и находятся в производстве еще свыше 600 книг. Часть тиража (120—150 экз.) всех изданий рассылается в дар в 100 главных научных библиотек России. Фонд поддержал проведение сотен научных конференций, без которых невозможна профессиональная жизнь научного сообщества. Широко поддерживаются экспедиционные и полевые исследования, без которых немыслимо развитие археологии, этнографии, филологии, социологии, психологии и ряда других научных дисциплин. Фонд поддерживает научные журналы, техническое оснащение научных организаций, создание информационных систем, развитие научных телекоммуникаций, участие российских ученых в работе зарубежных научных форумов, стажировки научной молодежи.

Фонд осуществляет активное сотрудничество, в том числе в форме совместных конкурсов, с администрациями субъектов Российской Федерации. В 2002 г. совместно с 25 администрациями регионов РГНФ на паритетных началах финансировал 411 научных проектов, имеющих региональную тематическую ориентацию. Администрации регионов вложили в эти проекты в 2002 г. 11,4 млн. руб. В настоящее время подписаны соглашения уже с 31 субъектом Российской Федерации о проведении региональных конкурсов и совместном финансировании проектов.

Успешно осуществляется сотрудничество РГНФ с Международной ассоциацией академий наук (МААН), ассоциированным членом которой Фонд является, с НАН Украины, с БРФФИ и НАН Белоруссии. Фонд провел совместные конкурсы с ИНТАС и Институтом имени Дж. Кеннана (США).

Фонд издает журнал (с 2001 г. — бюллетень) «Вестник РГНФ». Совместно с Сибирским, Уральским и Дальневосточным отделениями РАН, рядом академических институтов и других организаций РГНФ в 1998 г. учредил журнал «Науковедение» — единственный в России научный журнал о науке и научной политике.

Деятельность РГНФ стала важным фактором успешного развития социогуманитарного сегмента российской науки, а его создание, по оценке многих ученых, — самым значимым положительным событием в истории гуманитарного научного сообщества страны последнего десятилетия.

2. Кризис науки и поиски выхода

1990-е годы — годы глубокого кризиса российской науки. Этот кризис можно назвать тотальным, поскольку он охватил науку как целое, привел к расстройству социально значимых функций науки, деградации ее институциональных форм, разрушению механизмов финансирования, нарушению воспроизводства научных кадров, полному распаду научного приборостроения и системы технического оснащения научных исследований, утрате учеными мотиваций и т. д. В целом шел процесс обесструктурирования науки. И вместе с утратой организованности научное сообщество теряло способность выражать свою коллективную волю, обезволивалось. В 1992—1993 гг. в среде ученых преобладали настроения индивидуального спасения. Многие пытались выехать за границу, перейти во власть или в бизнес, одним словом — покидали тонущий корабль науки. «Перед нами руины научной империи», — констатировал осенью 1992 г. академик Н.Н. Моисеев [31]. Многие ученые и организаторы науки были едины в оценке разрушительных последствий кризиса науки, делая при этом акцент либо на действительности деструктивных сил в ходе реформирования страны, либо на неадекватности самой науки этим реформам. Так, в 1996 г., менее чем за год до своей смерти, председатель СО РАН академик В.А. Коптюг, отвечая на мой вопрос о том, что же произошло с российской наукой в 90-е годы, с горечью сказал: «С российской наукой произошло то же, что и со всей страной... Науку, как и промышленность, начали разваливать» [18, с. 79]. А один из создателей Российского гуманитарного научного фонда, тоже безвременно ушедший из жизни, выдающийся экономист академик Ю.В. Ярёмченко писал: «В целом наука еще в меньшей степени, чем производство, была подготовлена к изменениям механизма ее функционирования» [46, с. 417].

Но как бы ни расставлялись акценты при оценке баланса субъективных и объективных факторов кризиса российской науки, мыслящие ученые и организаторы науки в это время признавали необходимость реформы науки. А наиболее дальновидные и мужественные из них еще лет за пять до 1992 г. писали о неперспективности советской модели организации общества и науки, о необходимости перемен. Характерное для советской модели абсолютное преобладание плана над творчеством, «учета и контроля» над инициативой, коллектива над Личностью и организации над тем и другим имело неизбежным следствием бюрократизм, безответственность, застой, обрекавшие и страну, и науку на поражение в технологической революции и на историческую выбраковку.

Многие, очень многие авторитетные ученые в финальный период социализма, особенно во второй половине 1980-х годов, говорили об очевидной неэффективности и исторической обреченности системы организации советского общества, а государственное управление наукой и ее государственная организация в советский период были неотъемлемой частью системы партийно-государственного управления народным хозяйством и обществом, обладали общими достоинствами и недостатками этой системы.

После чернобыльской катастрофы в газете «Правда» в 1988 г. появилась посмертная публикация академика В.А. Легасова «Мой долг рассказать об этом...», где мужественно сказано: «После того, когда побывал на Чернобыльской станции, я сделал однозначный вывод, что чернобыльская авария — это апофеоз, вершина всего того неправильного ведения хозяйства, которое осуществлялось в нашей стране в течение многих десятков лет» [23, с. 8].

Организация науки была органичной частью этого «неправильного ведения хозяйства». Наука в административной системе не могла пробиться со своими достижениями в производство, здравоохранение, образование. В 1988 г. академик Н.Н. Моисеев ушел с поста заместителя директора Вычислительного центра АН СССР и так объяснил в «Аргументах и фактах» этот свой шаг: «Я устал пробивать внедрение результатов науки... Я устал от сидения в кабинетах, вернее, в приемных больших начальников. Ровно четверть века “просидел” и в конечном итоге устал» [30, с. 7].

В том же 1988 г. другой выдающийся советский ученый, академик Б.В. Раушенбах в «Аргументах и фактах» писал о порочности существующей организации науки: «Для того чтобы не пропустить что-то важное, надо давать людям работать. У нас же наука построена так, что важна не работа, а бумажный отчет о работе. Талантам в этой системе очень трудно, а бездельникам очень хорошо. Наша система запрограммирована на то, чтобы отстранять ученых от активной работы... Планирование науки у нас происходит как планирование выпуска карандашей» [34, с. 1].

Входящие сейчас в моду попытки представить советскую административную систему организации науки в качестве высокоэффективной недобросовестны и лукавы. Научное сообщество страны выстрадало свой отказ от административной системы и свои надежды, оказавшиеся, правда, во многом обманутыми, на реформу организации науки и системы государственного управления ею.

В 1992 г. было поздно уже только рассуждать. «Руины» науки стали реальностью, и необходимо было действовать немедленно. Реальная ситуация оставляла мало возможностей для выбора стратегии развития. Академик Н.Н. Моисеев очень точно сформулировал тогда основные тезисы научной политики, допуская реальную ситуацию: «Сохранить науку “широкого спектра” не по силам нынешней России. Когда страна не является уже жизнеспособным экономическим и политическим организмом, перед ее народом встает тривиальнейшая, в том числе и труднейшая, из всех задач — выжить»; «Прежде всего надо решить, что же для будущего наиболее ценно. Я считаю — люди. Те, кто способны мыслить нетривиально. Потенциальные лидеры, а не ремесленники»; «Я вспоминаю послевоенный научный подъем. Он стал возможен прежде всего потому, что государство сумело сохранить перспективных ученых, не дало перестрелять их на фронтах»; «В нынешней войне на выживание мы должны сделать то же самое». В этих условиях общая формула стратегии сохранения науки — сохранение ее «перспективного ядра» [31].

Министерство науки России проводило начиная с 1992 г. научную политику, в целом укладывающуюся в рамки идеологии сохранения ядра науки. Причем делалось это посредством создания новых форм организации науки, новых форм ее государственной поддержки.

Через восемь лет академик Ж.И. Алфёров в статье «Нужно ли России Министерство науки», опубликованной в защиту министерства накануне его ликвидации, скажет: «Министерство многое сделало и продолжает делать для поддержки и развития отечественной науки: помимо уже упомянутых ГНЦ (государственные научные центры, сохранившие ядро отраслевой науки. — *Е.С.*), оно было инициатором создания государственных фондов поддержки науки...» [3].

К сожалению, главным персонажем исторической драмы того времени была не Реформа — им был Кризис, во многом обесценивавший усилия по реформированию национальной научной системы.

Экономисты-наукоеды В.В. Киселёва и Т.Е. Кузнецова отмечают, что начавшаяся в 1992 г. реформа науки, имевшая серьезные и привлекательные стратегические цели, столкнулась с экономическим спадом такой глубины, что она неизбежно выродилась в набор действий по «сокращению» и «сохранению». Причем «тактические цели сохранения научного потенциала в буквальном смысле превратились в доминанту научной политики» [15, с. 250; 19].

Но ясно, что в эти годы предпринимались попытки, в том числе и на государственном уровне, именно через реформу спасти науку как сферу деятельности. Существовало довольно большое число всевозможных прожектов, часть из которых оказалась вполне удачной. К числу удачных решений следует отнести прежде всего создание в 1992—1994 гг. системы государственных научных фондов. Российская академия наук, другие государственные академии, многие входящие в их состав институты и университеты в меру своих сил пытались приспособиться к быстро меняющимся условиям, провести необходимые внутренние реорганизации. Кроме того, в начале 1990-х годов многие ученые, разочаровавшиеся в научном и в государственном руководстве, но получившие свободу и связанные с ней новые возможности, на свой страх и риск стали создавать новые институты — аналитические и консультативные центры и службы, новые научные общества, научные журналы, научные издательства.

Все эти столь разнообразные программы переплетались друг с другом в самых причудливых вариантах, иногда мешая, иногда способствуя друг другу. В этом контексте осуществлялся и процесс становления системы государственных научных фондов в России, в том числе и Российского гуманитарного научного фонда.

3. Создание РГНФ. Опыт самоорганизации научного сообщества

По словам академика Г.М. Бонгард-Левина, создание РГНФ — «событие не только важное и неординарное в истории отечественной науки, но для многих неожиданное» [6, с. 7].

Создание Российского гуманитарного научного фонда — успешная попытка самоорганизации гуманитарного научного сообщества Рос-

сии, поддержанная и на государственном уровне, и на уровне руководства многих научных организаций, хотя на всех этих уровнях существовало и противодействие.

РГНФ образовался на основе гуманитарной части Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), опираясь на опыт, приобретенный группой гуманитариев, участвовавших в создании и деятельности РФФИ, что способствовало быстрому и успешному становлению нового фонда.

В РФФИ гуманитарии были представлены довольно слабо. Так, в высшем органе фонда — в Совете Фонда — из 28 его членов лишь 5 представляли гуманитарные науки. Многие научные дисциплины — правоведение, социология, этнография, археология, психология, лингвистика и т. д. — вообще не были представлены. В экспертной системе РФФИ существовал единственный Экспертный совет по гуманитарным наукам, в котором, как в церковно-приходской школе, по необходимости все должны были играть роль универсальных специалистов. В Экспертном совете, правда, выделялись секции по отраслям знания. Так, скажем, существовала секция истории, где несколько человек, представлявших лишь некоторые области исторической науки, решали судьбу проектов по археологии, этнографии, самым разным периодам отечественной и зарубежной истории. Эксперты поневоле должны были выполнять роль специалистов одновременно по медиовистике, истории Китая, истории Африки, Октябрьской революции, Карибского кризиса и т. п. Так же выглядели и другие секции Экспертного совета. Развернуть разветвленную экспертную систему по гуманитарным наукам в РФФИ практически было невозможно из-за восприятия этих наук как второстепенных, которым и так уже дали незаслуженно много.

Но в то же время для работы в РФФИ были приглашены авторитетные представители гуманитарной науки. В их среде окончательно и оформилась идея создания самостоятельного фонда по гуманитарным наукам, поскольку реализация потребностей гуманитарных наук в РФФИ была невозможна.

Инициативная группа, включая автора этих строк, работавшего в то время заместителем председателя РФФИ, в мае 1994 г. обратилась в Правительство и Министерство науки Российской Федерации с предложением создать Российский гуманитарный научный фонд. Необходимо подчеркнуть исключительную роль в осуществлении этого начинания министра науки Б.Г. Салтыкова, активно общавшегося с учеными-гуманитариями, многократно слышавшего от петербургских и новосибирских ученых-академиков Д.С. Лихачева, А.А. Фурсенко, А.П. Деревянко, Н.Н. Покровского подобные предложения и раньше. Особо следует отметить роль первого председателя Совета РГНФ выдающегося слависта академика Н.И. Толстого и роль председателя совета РГНФ (с 1996 г.) выдающегося российского историка и археолога академика В.Л. Янина, объединивших вокруг Фонда практически весь цвет российской гуманитарной науки.

Четыре месяца напряженной работы автора этих строк в семи министерствах — Министерстве науки, Госкомвузе, Министерстве эко-

номики, Министерстве финансов, Министерстве культуры, Министерстве труда, Министерстве юстиции, а также в Российской академии наук, Российском фонде фундаментальных исследований и в Аппарате Правительства Российской Федерации привели в конце концов к появлению постановления Правительства Российской Федерации «О Российском гуманитарном научном фонде» от 8 сентября 1994 г. № 1023.

С этого момента началось интенсивное практическое формирование организации, а также одновременно ее непосредственная деятельность по финансированию переданных ей из РФФИ научных проектов и по экспертизе поступивших на новый конкурс заявок. За два месяца были сформированы Совет фонда, аппарат фонда, четыре Экспертных совета — создана действующая организация.

По прошествии нескольких лет уже видно, что РГНФ оказался последним созданным Правительством научным фондом. Весь процесс «фондообразования» уложился в короткий отрезок времени: 1992—1994 гг. В 1992 г. были созданы два научных фонда (РФФИ и Фонд технологического развития), в 1994 г. — еще два (Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере и РГНФ).

Теперь совершенно ясно, что создание государственных научных фондов было маловероятно до 1992 г., равно как и после 1994 г. Обязательным условием их создания было наличие государственной воли «учреждать свободу». До 1992 г. этого еще не было, а после 1994 г. эта воля вновь угасла. У системы государственных научных фондов в России есть «автор». Создание фондов — безусловная заслуга министра науки Б.Г. Салтыкова.

Создание РГНФ оправдало надежды ученых. Деятельность государственных научных фондов, в том числе и РГНФ, способствовала сохранению научных организаций и научных коллективов, поскольку гранты фондов «удержали» многих ученых на их рабочих местах в самый критический момент, когда очень многие научные работники, потеряв всякие надежды, готовы были покинуть науку или страну. Руководители научных организаций неоднократно отмечали этот факт. Директор Института искусствознания при Министерстве культуры РФ профессор А.И. Комеч замечает: «Ситуация была бы катастрофической, если бы не решение правительства о создании в 1992 г. Российского фонда фундаментальных исследований, а затем, в 1994 г. — Российского гуманитарного научного фонда... Только помощь фондов позволила сохранить основные научные кадры и дала возможность продолжить исследования фундаментального характера» [17, с. 2]. По словам вице-президента РАН, председателя СО РАН академика В.А. Коптюга, чистым гуманитариям — историкам, философам, филологам «труднее всего находить финансовую поддержку. Именно поэтому создание Российского гуманитарного научного фонда и его деятельность имеют исключительно важное значение» [44, с. 220]. Президент РАН академик Ю.С. Осипов отмечает, что РФФИ и РГНФ являются существенными источниками «адресной поддержки ученых и научных коллективов на конкурсной основе» [12, с. 2].

В 1990-е годы в России, несмотря на кризис, практически полностью сохранен социогуманитарный сегмент научного производства, и в этом велика заслуга РГНФ. Научное производство как реальный процесс получения новых знаний не только не свернуто, но его результативность даже увеличилась: возросло число научных журналов, увеличилось научное книгоиздание, активизировались исследования. Правда, социокультурный эффект этого резко снизился из-за уменьшения тиражей научных книг и журналов, их малой доступности для студентов и других заинтересованных читателей, из-за слабой вовлеченности новых знаний в образование и вытеснения науки из сферы просвещения и средств массовой информации, в целом из-за расстройств значимых социокультурных функций гуманитарных и социальных наук, как, впрочем, и науки в целом.

Но деятельность ученых и научных коллективов по получению новых знаний не прекращена и даже не уменьшилась в объемах. И происходит это во многом благодаря адресной поддержке живых очагов научного творчества со стороны РГНФ. Другой способ передачи науке скудных бюджетных средств мог бы и не привести к столь положительным результатам, поскольку эти средства не были бы сконцентрированы и направлены на конкретную научную работу в сохранившие жизнеспособность научные группы.

По словам философа члена-корреспондента РАН, академика РАО В.А. Лекторского, «во многом благодаря деятельности РГНФ, исследования в области философии, социологии, права, политологии, психологии и педагогики... не только не заглохли в последнее время, а получили новый импульс. Наряду с продолжением работы в рамках оправдавших себя традиций идет интенсивное освоение новых областей, что предполагает и новые подходы, и нередко участие новых исследователей» [24, с. 14—15].

Правовед член-корреспондент РАН Е.А. Лукашёва тоже констатирует, что «трудно переоценить значимость создания Российского гуманитарного научного фонда. За сравнительно короткий период своего существования он оказал финансовую поддержку сотням научных программ; это нашло реальную отдачу и в разработке важных проблем современного развития, и в значительном количестве публикаций (монографий, сборников, материалов конференций), которые без поддержки Фонда просто не смогли бы выйти в свет. Причем роль Фонда состоит не только в финансовой поддержке. Путем многоступенчатых экспертных оценок предлагаемых на конкурс программ, поддержки лучших из них Фонд формирует приоритетные направления гуманитарных наук» [27, с. 26].

Филолог академик РАО В.Г. Костомаров замечает, что «Фонд сегодня в значительной мере определяет научный уровень филологических исследований, авторитетно «задает» развитие науки» [20, с. 22].

По оценке филологов академика Ю.Д. Апресяна, члена-корреспондента РАН Н.Д. Арутюновой, академиков М.Л. Гаспарова и В.Н. Топорова, «РГНФ возник как новый способ управления наукой, соответствующий интересам самого научного сообщества и, главное, им самим реализуемый. Он стал новой перспективной формой адресной го-

сударственной поддержки гуманитарной науки — поддержки тех, и только тех, исследований и мероприятий, которые выше всего оцениваются по конкурсным правилам авторитетными специалистами в соответствующих научных областях» [5, с. 1].

4. Место РГНФ в современной российской науке

Итогом деятельности Фонда явилось стимулирование реальной реформы в науке, поскольку благодаря конкурсам и акцентированной поддержке Фондом конкретных работ в России фактически осуществилась смена тематики научных исследований в области социальных и гуманитарных наук и их переориентация на действительно актуальные научные и практические проблемы.

Конкурсы Фонда одновременно и выявляют происходящие изменения в тематике научных исследований, и стимулируют эти изменения. В целом база данных Фонда является уникальным по полноте источником информации о реальном состоянии гуманитарной науки в России. По замечанию Е.А. Лукашёвой, «Фонд является единственной научной структурой, сосредоточившей информацию о состоянии гуманитарных наук в России, располагающей возможностями координации совместных усилий ученых различных гуманитарных наук» [27, с. 26]. Это, кстати, создает условия для осмысленных и целенаправленных преобразований в науке, включая свертывание неперспективных структур и создание структур под новую тематику. Процесс институциональных преобразований, конечно, сильно запаздывает по сравнению с реальным развитием знаниевых структур, но это другая тема, поскольку осуществление институциональных преобразований находится совершенно не в компетенции Фонда.

По оценкам В.Г. Костомарова, «заявки, поступающие в РГНФ от филологов и искусствоведов, можно рассматривать как достаточно достоверную картину истинных интересов ученых, как обобщенную картину состояния этих наук, отражающую постсоветскую эпоху. И это состояние весьма динамично меняется на глазах, выдвигая все новые темы, отодвигая те, которые еще вчера казались наиболее злободневными» [21, с. 29].

«Списки исследовательских и издательских проектов, — по словам искусствоведа академика Д.В. Сарабьянова, — в немалой мере, хотя и не полностью, отражают состояние науки... На основании обоих списков проектов мы можем делать выводы о том, куда движется наука, чего ей не хватает, чем особенно интересуются ученые, как перемещаются интересы из одной области в другую» [36, с. 28].

Психолог академик РАО Е.А. Климов, педагог член-корреспондент РАО А.В. Мудрик и физиолог член-корреспондент РАН А.М. Иваницкий констатируют: «Каждый конкурс РГНФ способствует развитию творческой инициативы, достаточно свободному порождению замыслов предстоящих работ. И множество заявок, представленных на конкурс по указанной тематике, можно рассматривать как ценное документальное отображение современного “состояния умов” специалистов соответствующих наук» [16, с. 35].

Группа известных ученых емко констатирует: «Можно с уверенностью утверждать, что в России нет в настоящее время более мощной и независимой от административных институтов системы поддержки исследований и изданий в области гуманитарных наук.

Очень быстро в Фонде сложилась, может быть, лучшая в России система экспертного отбора исследовательских и издательских проектов. Глубоко продуманные принципы формирования Экспертных советов (ориентация на ведущих специалистов-гуманитариев, запрет на участие в экспертных советах ученых, занимающих административные посты, постоянная ротация экспертов, ежегодный критический анализ результатов конкурса и т. д.) позволили Фонду утвердить научную объективность в качестве основного критерия для отбора поддерживаемых проектов. В этом отношении место Фонда в российской науке поистине уникально. Фонд возрождает славные традиции русской гуманитарной науки, известной своей независимой и прогрессивной позицией.

Оценивая результаты деятельности Фонда в близких нам областях филологии и истории, мы с удовлетворением отмечаем, что поддержку Фонда получили и получают практически все перспективные направления исследований... Если же принять во внимание то бедственное положение, в котором находится сейчас российская наука, становится ясным, что Фонд по праву стал одним из основных общественных институтов, создающих саму возможность существования и развития гуманитарных наук в России» [4, с. 11].

Существенно обновление целых областей гуманитарной науки, включая тематику, модели, программы и методы исследования, а также методологические и аксиологические — в целом парадигмальные — основания, отмечают философы — эксперты РГНФ. Анализ тематики заявок, проведенный членом-корреспондентом РАН профессором В.А. Лекторским и А.П. Огурцовым, позволил им еще в 1997 г. сделать вывод, «что за последнее время в исследовательской работе по социальным наукам (как в тематике работ, так и в способах их выполнения) происходят серьезные изменения, которые в ближайшем будущем будут иметь далеко идущие последствия» [26, с. 24]. Через несколько лет В.А. Лекторский так охарактеризовал эти исследования: «Что же касается общей тенденции, то можно достаточно уверенно утверждать, что в современной социогуманитарной мысли в России на рубеже веков все более отчетливо заявляет о себе в качестве центральной и значимой особенности стремление соотносить теоретические абстракции, категории, модели, системы рассуждений и обоснований с самим человеком — мыслящим, познающим, действующим, переживающим; человеком, рассматриваемым в единстве всех его конкретных проекций и проявлений. Все более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть выведен за скобки без последствий для видения и понимания самого процесса или события. Этот важнейший для российской социогуманитарной мысли “антропологический поворот” следует рассматривать как обнадеживающий предвестник наступающих глубинных парадигмальных сдвигов в культуре нашего Отечества» [25, с. 24]. Механизм обновле-

ния тематики показывает филолог академик Ю.С. Степанов. Все проекты Ю.С. Степанов разделяет на «массивные» и зондажные. Первые «поднимают огромные пласты российской культуры и выполняются, как правило, большим количеством исполнителей». Вторые — проекты «в большинстве своем малого объема — малого по материальному охвату и малого по количеству исполнителей». И далее: «Такие проекты, однако, чрезвычайно важны как “пилотные”, ибо они прокладывают дорогу другим исследованиям или путем предоставления собранного и обработанного материала, или новым поворотом традиционных тем» [41, с. 26].

По наблюдениям Ю.С. Степанова, отмеченное им деление проектов на два класса обладает устойчивостью. Сохраняется деление исследовательских проектов «на массивные проекты, которые поднимают огромные пласты российской культуры и выполняются, как правило, большим числом исполнителей, и проекты зондажные — малые по материальному охвату и количеству исполнителей, но чрезвычайно важные как “пилотные проекты”» [42, с. 27].

Деятельность РГНФ, по признанию авторитетнейших российских ученых, способствовала возрождению гуманитарной науки в России. Развитие гуманитарной науки без Фонда, по оценке многих ученых, уже просто немыслима. Историк академик В.С. Мясников замечает: «Итоги деятельности Фонда впечатляющи: изданы тысячи прекрасных книг, проведены сотни важнейших научных конгрессов и конференций, продолжаются экспедиционные работы, одним словом, гуманитарные науки в России подобно фениксу возродились из пепла» [32].

Обобщая итоги одного из конкурсов РГНФ, археолог член-корреспондент РАН В.В. Седов пишет: «В заключение отмечу, что сказанное далеко не в полной мере отражает активную и плодотворную поддержку Фондом российской исторической науки. Ныне ее развитие немыслимо без фондовской подпитки. Последняя прямо или косвенно стимулирует исследовательскую деятельность ученых России, а многочисленные издания Фонда, в том числе вводящие в научный оборот новые источниковые данные, ярко демонстрируют неопределимый вклад его в развитие исторической мысли» [37, с. 11]. «Историческая наука — по словам В.В. Седова, — в настоящее время во многом развивается благодаря продуманной и целенаправленной поддержке Фонда» [38, с. 8].

По мнению многих авторитетных ученых, РГНФ вносит большой вклад в сохранение, изучение и развитие культуры страны, а также в дело просвещения. Так, историк академик В.Л. Янин пишет: «РГНФ сегодня стал эффективным механизмом государственной поддержки научных исследований, сохранения и изучения культурного и духовного наследия России, распространения научных знаний и просвещения» [45, с. 6]. Особо он отмечает эффект научного книгоиздания: «Судя по многочисленным рецензиям и отзывам, издания при нашей финансовой поддержке востребованы научным сообществом и существенно влияют на развитие российской гуманитарной науки» [45, с. 10].

О поддержке научного книгоиздания Фондом как о выдающемся явлении в жизни российской науки говорят многие ученые. «Возьму на

себя смелость утверждать, — пишет историк член-корреспондент РАН Н.А. Макаров, — что более половины всех действительно серьезных и значительных изданий по истории — ситуация в этой области наиболее знакома мне в силу моих профессиональных занятий — опубликовано в рамках издательских проектов РГНФ. Две трети книг по истории, рецензировавшихся в последние годы на страницах “Exlibris. НГ”, вышли из печати при поддержке РГНФ, что, кажется, ни разу не было отмечено рецензентами» [28].

По словам филолога профессора Е.И. Ивановой, «сегодня если не каждая вторая, то каждая первая научная книга по истории, филологии, философии и другим отраслям гуманитарного знания подготовлена или издана при поддержке фондов. Загляните в “Аннотированный каталог научной литературы”, изданный РГНФ в 2001 году, простой перечень изданных при поддержке Фонда книг по истории и археологии занимает почти 70 страниц, а такие каталоги выходят ежегодно с 1996 года» [14, с. 5].

По мнению ученых, в немалой степени благодаря деятельности РГНФ в современной России формируется новая роль социогуманитарной науки. «Велико число заявок, посвященных выявлению кризисных, дефицитарных психических личностных состояний, проблем экологии и угрозы здоровью человека и их преодолению»; «Наращение числа таких исследований свидетельствует о появлении новой исследовательской стратегии, которая в психологии может быть названа психосоциальной... Фактически на рубеже веков и тысячелетий психология — правда, пока по инициативе самих ученых — становится социально значимой наукой» [2, с. 33—34].

По словам экономиста профессора Ю.Н. Гаврилец, «одним из позитивных результатов проводимой Фондом политики доверия научной интуиции исследователей в выборе тем и поддержки им новаторских и научно значимых проектов является заметный процесс развития экономической науки в сторону усиления актуальных и важных для народного хозяйства направлений исследований» [9, с. 12].

5. Гранты как метод поддержки науки. Культура правил и культура обычаев

Эффективность деятельности РГНФ выражается главным образом в росте результативности работы научных коллективов и ученых и в росте качества научных работ. Достигается это благодаря тому, что Фонд проводит широкие общенациональные конкурсы, в ходе которых независимые эксперты из числа авторитетных ученых отбирают лучшие, наиболее ценные научные работы, которые в дальнейшем адресно финансируются Фондом. В.Л. Янин называет «основополагающими принципами» деятельности Фонда «свободный конкурс и независимую экспертизу» [45, с. 7]. Именно это позволяет с такой высокой эффективностью вкладывать в науку выделяемые государством весьма ограниченные средства.

Научные фонды и осуществляемая ими грантовая поддержка науки — явление всеобщее и общенаучное, т. е. характерное для науки

разных стран и для разных областей знания, не европейское или американское, а именно всеобщее; не естественнонаучное или гуманитарное, а общенаучное. Это важно подчеркнуть, поскольку до сих пор можно услышать суждения о принципиальной несовместимости фондов и грантов с традициями российской науки. Хотя трудности действительно имеются, и немалые.

В то же время гранты являются лишь одной из форм поддержки науки, не универсальным, а специализированным, во многих случаях очень важным и эффективным, но все-таки частным методом поддержки науки. Гранты — форма поддержки науки, эффективно сочетающаяся с ее базовым и программным финансированием. Поддержка инфраструктуры организации, предполагающая базовое финансирование, и грантовое финансирование конкретных работ, выполняемых в данной организации, являются по своей сути взаимодополняющими. Так же связаны поддержка программ и поддержка проектов.

Сочетание грантового и базового финансирования — одно из немногих реальных достижений реформы науки в России. Отвечая на вопрос журнала «ЭКО» «Как вы оцениваете деятельность РФФИ и РГНФ? Как они влияют на развитие экономической науки?», экономист академик Л.И. Абалкин говорит: «Я высоко оцениваю их деятельность. Складывается многоканальная система финансирования науки, которая дает определенную гибкость и свободу поведения. Академия наук финансирует институт, а не проблему, не структуру, не конкретную тему или идею. Это нормально, если вы признаете, что институт нужен стране. Надо иметь некое базовое финансирование... А есть второй канал. Если вычленяется какая-то проблема, важная с народнохозяйственной, с государственной, социально-политической точки зрения... то это требует поддержки. Мы защищаем проект, идет конкурсный отбор, выстраивается какая-то система приоритетов, и не чиновники, а ученые подключаются к их оценке. В итоге получается сочетание базовой, стабильной части и гибкой, подвижной системы выдвижения приоритетных направлений, поиска новых подходов. Обеспечиваются и поддержка ученых-исследователей, которые получают более или менее достойное материальное содержание, и решение самих проблем, которые дают большую народнохозяйственную отдачу. Я думаю, что в принципе эта модель задумана хорошо, имеет перспективу» [35, с. 15—16].

Ключевым вопросом для успешной деятельности фондов, осуществляющих грантовую поддержку науки, является определение границ, в рамках которых данная форма эффективна и выход за которые снижает ее эффективность. Гранты наиболее эффективны как вневедомственная форма поддержки науки, как форма поддержки малых форм научных исследований (проектов, выполняемых отдельными учеными или первичными научными коллективами), как поддержка кратковременных проектов, т. е. гранты эффективны прежде всего применительно к конкретным, локальным работам, выполняемым на вневедомственной, инициативной и проблемной основе. Грантовое финансирование науки предполагает существование и стимулирует развитие проектной формы организации научных исследований.

Вневедомственность здесь особенно важна, потому что конкурс проектов на вневедомственной основе максимально объективен, поскольку в нем минимизирован конфликт интересов, и потому что вневедомственный конкурс не имеет репрессивных последствий, поскольку это конкурс, ориентированный на поощрение, а не на наказание, в нем не заложена опасность ликвидации, закрытия, упразднения каких-либо научных структур или научных направлений. Можно только приветствовать проведение и внутриведомственных конкурсов, но нужно заранее сознавать, что их возможности принципиально иные, чем возможности вневедомственных конкурсов.

Иногда высказывается мнение, что грантовая поддержка по своей природе ориентирована не на новое и выдающееся, а на рутинность и серость. Это глубоко ошибочное или даже недобросовестное суждение. Ученые-эксперты, через руки которых прошли сотни и тысячи проектов, опровергают подобные досужие суждения. «При поддержке проектов экспертный совет учитывал их научную значимость, фундаментальность и новизну проблематики, характер вводимых в научный оборот источников материалов, возможности исследователей выполнить предложенную тему на современном уровне и в устанавливаемые сроки» [37, с. 5; 38, с. 7].

«При отборе проектов экспертами и секцией литературоведения, естественно, учитывались такие критерии, как научная значимость, фундаментальность и новизна тематики, используемых подходов, вводимых в культурный оборот архивных материалов и иных источников, возможности выполнения работ в определенные сроки при соответствующей методологии» [35, с. 2].

«Наиболее характерной особенностью конкурса 2002 г. стало заметное повышение научно-теоретического уровня предлагаемых проектов. Актуальность тематики, содержательность и глубина проблем, решаемых большей частью заявителей, подчас ставили в затруднительное положение экспертов, когда они пытались выявить наиболее интересные работы» [10, с. 12].

Самой большой проблемой российских научных фондов, в том числе и РГНФ, является, на мой взгляд, слабая готовность значительной части научного сообщества к принятию института независимой экспертизы. Этот институт действительно находится за пределами отечественных традиций, и становление его в России отягощено действием множества факторов.

Ситуация подобна той, в которой находилась Россия в первой четверти XVIII в., когда Петр I пытался учредить в России институт науки. Общество было слабо подготовлено к восприятию этого новшества. И учреждение Петром Петербургской академии наук было фактически волевым утверждением в России совершенно чуждого российскому обществу института. Как заметила О.А. Валькова, в первой половине XVIII в. российское общество было готово в лучшем случае к восприятию популяризаций научных знаний, а не самих этих знаний. Даже русский язык «был совершенно не приспособлен для передачи научной информации» [8, с. 21]. Н.И. Кузнецова показала, что для успешной жизнедеятельности науки требуется развитие «сложного социокуль-

турного контекста». Поэтому «не только сами научные достижения, навыки и умения Запада были “ввезены” в Россию, но и комплекс соответствующих “окружающих” науки мировоззренческих идей и настроений... Усваивался сам способ мышления, аргументации, доказательства» [22, с. 22].

Институт независимой экспертизы вошел в российскую жизнь также при «нажиме» государства. Хотя в случае с РГНФ процесс инициировала группа ученых, готовность всего научного сообщества признать этот институт и работать технологично, по строгим правилам, а не по прежним обычаям не следует переоценивать. Значительная часть научного сообщества скорее согласилась с существованием института независимой экспертизы, чем действительно приняла его. В научной среде по этому поводу идет процесс глубокого брожения. Проблема осложняется тем, что институт конкурсного отбора проектов и их независимой экспертизы с трудом воспринимается не только людьми, привыкшими к высокому статусу, исключительности и привилегированному положению, но и многими далекими от всего этого учеными, особенно теми, кто сознает свою неспособность успешно конкурировать и интенсивно работать.

Председатель одного из Экспертных советов РГНФ деликатно замечает: «Неполучение гранта подчас воспринимается как трагическая несправедливость, как оскорбительное неуважение к личности соискателя, принижение его общих заслуг и чинов, а то и как результат злых козней... Нет и коллегиального понимания интересов других заявителей: собственная работа оценивается как безусловно первостепенная, стоящая вне сравнения. Мы все оказались психологически не готовы видеть в грантах лишь один из источников финансирования, может быть, даже дополнительный, вспомогательный» [20, с. 22].

В практике Фонда часто встречаются случаи давления на Фонд с целью получения положительных результатов экспертизы заявок и отчетов. При этом ученые, в том числе и эксперты, требующие исключений для себя, как правило, соглашаются с тем, что вообще-то правила должны быть и провозглашенный в уставе Фонда принцип поддержки проектов без оглядки на степени, звания, должности соискателей грантов хорош. Но они с большим трудом признают распространение действия этих правил на самих себя.

Фонд входит в жизнь научного сообщества в условиях борьбы двух культурных традиций — прежней, хорошо укорененной культуры обычаев и нарождающейся культуры правил. Фонд — это культура правил: сроков, форм, критериев, отчетности и т. д. Скажем, подача заявки на один день позднее срока, указанного в объявлении условий конкурса, для Фонда является нарушением, и в Фонде нет структур и лиц, правомочных «поправлять» ранее объявленное правило. Никакие обстоятельства во внимание не могут приниматься. В рамках культуры правил только так и может быть, иначе «телефонное право» восторжествует над правилами. Только абсолютный запрет на подгонку правил под лица и ситуации спасает от этого. Но в рамках культуры обычаев такая практика является формализмом, бюрократизмом, она бездушна, неэтична по отношению к «уважаемым» людям и т. д.

Сталкиваются две системы ценностей. Одна правовая, предусматривающая жесткие типовые решения, исключаящие всякий произвол, которые в конечном счете защищают каждого ученого, независимо от его статуса, но при этом, конечно, и ограничивают всех ученых общими рамками и условиями. Другая — ситуативная, учитывающая «всю сложность» ситуации, сложность, состоящую как раз в степенях, званиях, должностях ученых. («Что позволено Юпитеру, не позволено быку».) За культурой правил стоит демократия, за культурой обычаев — олигархия. Процессы, протекающие в научной среде, поразительно коррелируют с процессами, происходящими в российском обществе в целом. Главная опасность для системы научных фондов исходит не от чиновничества, как считают многие, а от самого научного сообщества, той его части, которая не ориентирована на будущее. Власти могут оказаться только выразителем настроений и воли этой «научной общественности».

Фонд, опираясь на склонную к правовой культуре часть научного сообщества, может в перспективе оздоровить и облагородить научное сообщество. Но может произойти и прямо противоположное: другая часть научного сообщества обезобразит Фонд, принудит его к подчинению устоявшимся обычаям, дополнит правила исключениями. И тогда одни должны будут подавать заявки и представлять отчеты в срок, а другие — необязательно в срок. От одних будут требоваться действительные результаты, а от других требовать их будет как-то неудобно.

Исход этой драматичной борьбы двух культурных традиций неизвестен. Но есть надежда, что наметившиеся новые, современные контуры научного сообщества не будут размыты архаичной средой.

Опасным симптомом является практически полное отсутствие, как это ни странно, лоббирования в его наиболее ожидаемых формах — ведомственного, регионального и т. д. Практически нет лоббирования экспертами интересов своей организации. Но существуют факты проявления экспертами прямой корысти, борьбы за клановые интересы. Угрозу для грантовой системы представляет именно эгоизм научных кланов, часто выдающих себя за научные школы.

Но общие тенденции развития науки все-таки работают на будущее, и роль культуры обычаев должна неуклонно снижаться, а роль культуры правил возрастать. Одним из предназначений научных фондов, в том числе и РГНФ, является работа на эту тенденцию. Исследования науковедов подтверждают существование тенденции нарастания поддержки системы грантов со стороны ученых. «Идея грантового финансирования, — пишет И.Г. Дежина, — нашла широкую поддержку и одобрение в научном сообществе, причем доля тех, кто положительно оценивает реализуемую отечественными научными фондами систему грантового финансирования, ежегодно растет. Так, согласно данным выборочных опросов, если в 1993—1994 гг. систему фондов положительно оценивали 75 % ученых, то в 1995 г. — уже 86 %. А в 1999—2000 годах сама постановка вопроса о необходимости фондов казалась ученым неясной» [11, с. 5]. Это же отмечают и сами ученые. РГНФ, по словам Н.А. Макарова, — «одна из наиболее эффективных научно-организационных структур, имеющая высокий авторитет среди ученых» [28].

6. Достоинства грантовой поддержки науки и пределы ее эффективности

Грантовая поддержка науки основана на идеологии, сущностью которой является свобода научного творчества. Грантовая система — элемент гражданского общества и обращена к ученому — подлинному творцу науки и к научному сообществу — социуму ученых. Не институты науки и представляющие их руководители, а именно ученый и научное сообщество являются основными субъектами на грантовом поле.

Деятельность государственных научных фондов, по мнению многих ученых, расширяет рамки свободы и инициативы ученого. Психологи член-корреспондент РАН А.В. Брушлинский и профессор В.В. Знаков пишут: «Раньше возможности для творчества и роста научного сотрудника почти целиком зависели от партийно-государственных органов, руководства Академии, дирекции института и отчасти от заведующего лабораторией... Теперь, к счастью, положение радикально изменилось. Любой сотрудник (даже младший научный), если он написал толковую заявку на грант, получает его в ходе честного конкурса и может проводить научное исследование (индивидуально или в составе выбранной им самим группы), публиковать его результаты в России и за границей, ездить в научные командировки за рубеж и т. д. И все это уже независимо от “начальства”, поскольку система распределения грантов в РГНФ способствует демократизации науки» [7, с. 170].

Грантовая система обладает, как это показывает, в частности, опыт РГНФ, принципиальными достоинствами.

1. Грантовая поддержка науки фондами — это эффективный механизм адресной поддержки науки, эффективный способ доведения финансирования до конкретных научных работ. Эффективность данного механизма обусловлена тем, что, во-первых, финансируются именно проекты (конкретные научные работы), а не должности, степени, звания или штатная численность работников организации; во-вторых, проекты отбираются строго на конкурсной основе, объективно — по их качеству, без учета всякого рода «рекомендаций» и любого давления; в-третьих, экспертиза и отбор проектов осуществляются наиболее квалифицированными и авторитетными учеными — независимыми экспертами, а не администрацией; в-четвертых, строгой является ответственность за выполнение профинансированных работ.

2. Фонды, осуществляющие грантовую поддержку науки, — это высокоэкономичные организации. Так, внутренняя смета РГНФ (аппарат, эксперты) и его внешняя смета (2500 проектов в 500 организациях, в десятках ведомств, почти во всех регионах страны) обслуживаются всего 4 финансовыми работниками. Любой научный институт, выполняющий в десятки раз меньший объем финансовой работы, имеет более «густонаселенную» бухгалтерию. Обслуживание издательской программы Фонда (а это крупнейшая в России программа научного книгоиздания) осуществляют три человека. И так по всем направлениям деятельности Фонда.

3. Гранты фондов — это финансирование наиболее значимых и приоритетных работ. Отбор этих работ осуществляется в научном

смысле профессионально, а не формально и механически (например, по списку приоритетов). Сотни квалифицированных экспертов штучно анализируют содержание проектов и отбирают наиболее значимые и приоритетные из них, учитывая их научную и практическую значимость. Здесь, конечно, возможны и ошибки, поскольку никому не дано точно знать, где будут сделаны научные открытия. Только очень далекие от науки люди считают, что можно запланировать открытия по какому-то списку приоритетов.

4. Экспертная система фондов как вневедомственных организаций делает то, что практически невозможно сделать другими средствами. Она выявляет наиболее ценные научные работы, выполняемые не только в крупных научных организациях, но и в мелких, часто непрофильных организациях, где их трудно выявить, оценить и поддержать. Поразительно, но факт, что 20—30 % научных проектов РГНФ выполняется отдельными учеными или небольшими группами, работающими в музеях, архивах, библиотеках, вычислительных центрах, журналах, издательствах, научных обществах, технических вузах. Эти работы были бы просто потеряны при другой форме финансирования науки. Ориентация Фонда на поддержку не организаций, а конкретных проектов приводит к фактическому устранению конкуренции самих организаций, в которой победителями всегда были бы наиболее мощные и авторитетные академические институты. Конкуренция научных проектов означает, что в конкурсах Фонда могут побеждать прекрасные научные проекты из небольших организаций, которые, безусловно, проиграли бы в конкурентной борьбе с сильными организациями.

5. Для фондов не существует ведомственных барьеров. Исследовательские коллективы по проектам сплошь и рядом формируются из представителей нескольких организаций самой разной ведомственной принадлежности и даже из разных регионов. Это очень значительное достижение, поскольку советская наука десятилетиями страдала от непреодолимых ведомственных барьеров. Гранты фондов — эффективный механизм преодоления ведомственной разобщенности науки.

6. Гранты фондов дают резкий толчок развитию не только межведомственной и межрегиональной, но и междисциплинарной научной интеграции. Давно замечено, что научные открытия часто делаются на стыке наук. Но существующая институциональная организация науки затрудняет это. Проекты же, в частности проекты РГНФ, очень часто являются полидисциплинарными: история и филология, социология и психология, экономика и математика, педагогика и медицина прекрасно уживаются в них. Трудно создать исследовательский институт или научный журнал, сочетающий разные научные дисциплины, поскольку эти институции по своей сути рассчитаны на долговременное существование. Конкретный же недолговременный проект легко объединяет научные дисциплины и научные направления в самых неожиданных сочетаниях.

7. Фонды с их мощными экспертными сообществами стали фактором интеграции научного сообщества, решающего свои профессиональные проблемы на этой вневедомственной территории. В деятельности РГНФ это существенный момент.

В то же время грантовая система не решает в целом многие острейшие проблемы науки. С помощью грантов невозможно возродить научное приборостроение в стране, не может быть осуществлено техническое переоснащение научных организаций и в целом не может системно поддерживаться научная инфраструктура, предполагающая базовое финансирование и программную форму поддержки науки.

С помощью грантов не могут быть решены демографические проблемы современной российской науки, в том числе проблема массового притока талантливой молодежи в науку, поскольку для этого необходимо изменение социального статуса науки, оснащение рабочих мест современным высококлассным оборудованием, решение жилищных проблем, высокая (по меркам молодежных притязаний) заработная плата.

На основе грантов не может регулярно функционировать и устойчиво развиваться информаций науки, включая библиотеки, архивы, базы данных, каталоги, коллекции и т. д. Поддержание и пополнение информаций вообще не требует конкурсов и экспертизы. Оно предполагает системность, долговременность, стабильность.

Конкурсы фондов могут косвенно свидетельствовать о наличии балласта в разных научных организациях, но они не являются точным методом выявления кадрового балласта и методом оценки квалификации сотрудников. Гранты, ориентированные на поддержание лучшего, сами по себе не могут влиять на кадровую и институциональную политику научных организаций и ведомств.

7. Проблемы грантовой поддержки науки

Российские научные фонды, в том числе и РГНФ, в процессе формирования системы грантовой поддержки науки и в процессе ее функционирования столкнулись с разнообразными проблемами. В развитии РГНФ, как, вероятно, и других фондов, кроме фактора совершенствования деятельности значительную роль играет и фактор кризисов. Думаю, что в значительной степени фонды развиваются именно через кризисы. Экспертиза проектов и отчетов, финансирование проектов, контроль за их выполнением, взаимодействие фондов с учеными и научными организациями, а также управленческими и контрольными органами постоянно создают или выявляют множество проблем, о которых мы даже не догадывались, затеяв создание фондов.

Коротко скажу лишь о десятке наиболее значимых проблем, связанных, прежде всего, с экспертной работой и научной политикой.

1. В момент создания фондов одним из принципиальных и сложных был вопрос о том, должен быть конкурс проектов анонимным или эксперты должны знать фамилии заявителей проекта. Этот вопрос во всех фондах тем или иным образом решен, и к этому решению все уже успели привыкнуть, но проблема остается. РГНФ сделал осмысленный выбор, отказавшись от идеи анонимности. Если бы Фонд проводил конкурс готовых научных результатов, а не научных замыслов, то конкурс должен быть анонимным, поскольку имя автора не добавляет информации к готовому научному результату, а лишь воздействует

(положительно или отрицательно) на эксперта. В конкурсе научных замыслов, когда эксперт оценивает не только достоинства проекта самого по себе, но и реальность его выполнения, информация о подателе заявки является полезной и даже необходимой. Она позволяет уменьшить риск финансирования бесплодных или неосуществимых замыслов. Имя ученого, являющееся его капиталом, в данном случае в какой-то степени влияет на оценки экспертов, но это оправданно, так как опыт, возможности, репутация ученого гарантируют от заведомо ошибочного решения.

2. На протяжении всего периода существования РГНФ в научном сообществе обсуждался вопрос о преимуществах открытости или закрытости экспертной системы. Публикация списков экспертов увеличивает риск давления на них со стороны заинтересованных лиц и структур. Закрытость защищает экспертов от возможного давления на них. Но в то же время закрытая экспертная система исключена из профессионального и заинтересованного обсуждения научного сообщества. Закрытость экспертной системы порождает подозрительность и недоверие. РГНФ является единственным в числе российских и зарубежных фондов, действующих в России в настоящее время, полностью открывшим структуру и состав своей экспертной системы. Сведения об экспертах Фонда ежегодно регулярно публикуются в полном объеме в «Вестнике РГНФ», а списки Экспертных советов — также в газете «Поиск». Мы считаем, что открытость экспертной системы решает больше проблем, чем создает их. Но уже сам факт того, что ни один другой Фонд пока не последовал примеру РГНФ, говорит о наличии здесь проблемы.

3. Все годы существования фондов дискутируется вопрос, сообщать ли авторам отклоненных заявок основания отклонения. На первый взгляд, здесь и обсуждать-то нечего, поскольку любой податель заявки хотел бы знать точные причины ее отклонения. В действительности это серьезная проблема. Неслучайно ни один фонд при внешней очевидности решения вопроса не сообщает причин отклонения заявок. Проблема здесь техническая, но имеющая принципиальное значение. Квалифицированный ответ о причинах отклонения заявки могут дать только эксперты, а не аппарат фондов, но введение практики ответов сделало бы экспертов совершенно незащищенными от претензий и давления разочарованных и обиженных. Существует некоторый слой людей, немало их и в научной среде, имеющих пристрастие к эпистолярному жанру и огромный опыт сутяжничества. Список их адресатов — от ЦК КПСС и Президента до «Спортлото» и КВН — чрезвычайно обширен. Никакой нормальный ученый не согласится быть экспертом, если ему придется посвятить свою жизнь переписке с подобной категорией людей. По этой причине в РГНФ и, думаю, по этой же причине в других фондах принята система отбора проектов, похожая на систему вступительных экзаменов в университеты: во-первых, решается не вопрос отклонения наиболее слабых, а вопрос отбора наиболее сильных и, во-вторых, эксперт (или экзаменатор) действует, как прибор, — он фиксирует, а не дискутирует. В реальной жизни при условии открытости экспертной системы, как это сделано в

РГНФ, ученые обращаются к руководителям экспертной системы — председателям Экспертных советов, координаторам экспертных секций, получают необходимую им и удовлетворяющую их информацию, а также советы.

4. Вопросом является и то, должен Фонд стимулировать коллективные или, напротив, индивидуальные проекты? В какой пропорции вообще должны они находиться? Уместна ли здесь какая-то политика Фонда?

5. Должен Фонд проводить единый федеральный конкурс с общими для всех участников требованиями или следует проводить несколько специализированных конкурсов, в том числе для ослабленных групп (молодежь, провинциальные университеты)?

6. Каким должен быть классификатор, публикуемый в объявлении об условиях конкурсов, чтобы он стимулировал перспективную тематику?

7. Должен ли быть в Фонде список приоритетов?

8. Какими должны быть темпы ротации экспертов и какими в целом должны быть принципы формирования и работы экспертной системы?

9. Как избежать конфликта интересов при экспертизе проектов и проникновения научной «клановости» в экспертную систему?

10. Какими должны быть уровень конкурса, размер грантов и какой должна быть доля фондов в бюджетном финансировании науки?

8. Перспективы краткосрочные и долговременные

В настоящий момент и в краткосрочной (год-два) перспективе для грантовой поддержки науки в России реальностью является нарастание проблем. Остановлюсь на трех из них.

1. Строго говоря, начиная с весны 2001 г. грантов и фондов в России в юридическом смысле не существует. РФФИ и РГНФ, создававшиеся в 1992—1994 гг. как фонды, осуществляющие грантовую поддержку науки, после изменения их уставов в 2001 г. перестали быть фондами, их организационно-правовая форма — государственные учреждения. Поскольку из уставов РФФИ и РГНФ устранено понятие «грант», то и финансирование проектов является теперь просто бюджетным финансированием на конкурсной основе. Слова «фонды» и «гранты» превратились в звучные метафоры. Российская действительность вновь удаляется от мировой практики. Если в десятках стран действуют именно фонды и выделяются именно гранты, то в России сейчас к этим словам добавляется приставка «псевдо».

2. Вторая проблема — действующее законодательство. В последнее десятилетие законодательство в России бурно развивалось. В первой половине 1990-х годов интересы и специфика сферы науки благодаря активности и последовательности Министерства науки своевременно представлялись и реально учитывались в новом законодательстве. Но вторая половина 1990-х годов — полный провал. Никто системно не представлял интересы науки в готовившихся и принимавшихся новых законах. В результате этого принимались законы, не учитывавшие реальное положение и состояние науки, новое в ее развитии; в

частности, никак не обобщалась и не закреплялась законодательно реальность новых форм организации науки и новых форм ее государственной поддержки. В итоге принятое к настоящему моменту законодательство буквально как каток, проходит по науке.

Исторически сложилось (и это имеет большой положительный смысл) так, что РАН и другие госакадемии, РФФИ и РГНФ, ряд других организаций являются главными распорядителя средств федерального бюджета, имеют в ежегодно принимаемом Законе о бюджете отдельную строку. Теперь по Бюджетному кодексу все они утратили это право, поскольку главными распорядителя средств федерального бюджета являются только органы государственной власти, к числу которых названные организации не относятся. Последствия этой новой правовой реальности для науки могут быть огромными.

Несмотря на распространение новых, небумажных носителей информации, в науке (а в гуманитарной особенно) научная книга остается незаменимой. Интернет не заменяет книгу, как кино не заменило театр. Но в Российской Федерации действует закон «О бюджетной классификации», который при строгом его соблюдении делает практически невозможным научное книгоиздание, отнесенное к разряду коммерческой деятельности. Такое положение характерно для развитых стран. В современной же России при ничтожной покупательной способности ученых рентабельность научного книгоиздания огромна, но отрицательна. Оно попросту принципиально убыточно. Научную книгу можно сохранить, только оставив научное книгоиздание в системе финансирования всего цикла науки, где книга, вводящая в научный и культурный оборот результаты исследований, является завершающим этапом научного цикла. Если убрать бюджетное финансирование этого этапа из раздела бюджета, по которому финансируется наука в целом, это будет равноценно отказу от уборки урожая при сохранении сева. Но именно таковы реальные последствия для науки закона «О бюджетной классификации».

Гражданский кодекс и закон «О некоммерческих организациях» весьма полно учитывают специфику и интересы многих (например, религиозных) организаций и объединений. К сожалению, о науке (в частности, о действующих в России государственных научных фондах) при подготовке этих законов не вспомнили. В результате была принята такая концепция фонда, которая сделала невозможным существование государственных научных фондов и предопределила аппаратное перерождение фондов в государственные учреждения. При этом попутно несколько поприжали самоуправление и коллегиальность, усилив единоначалие, ограничили права ученых, выпятив права организаций, — в целом примитивизировали уставы действующих ныне псевдочондов.

3. Третьей проблемой является разрушенность целостной системы государственного управления научно-технической сферой. В Правительстве РФ ныне нет вице-преьера, курирующего науку, и ликвидирован соответствующий секретариат. Упразднено Министерство науки, функции которого переданы другому министерству, в котором они затерялись. Это прямым образом сказывается на науке, в частности на фондах (например, на проекте бюджета 2003 г., обрушившего финан-

сирование фондов). В общем же плане отсутствие строгой системы государственного управления сферой науки, с четкой (прошу прощения) вертикалью делает тщетными надежды на последовательное, системное развитие законодательства в направлении законодательной фиксации специфики и интересов сферы науки.

Разрушение государственного управления сферой науки началось еще в начале 1990-х годов, когда государство перестало опираться на науку при выработке стратегических решений, перестало, в частности, привлекать науку в качестве эксперта. Академики В.А. Коптюг и Ю.И. Шохин отметили утрату в начале 1990-х годов наукой ее экспертной функции. «В предшествующие годы, — пишут они, — Сибирское отделение, обладающее огромным массивом информации о природе и экономике Сибири и высококвалифицированными специалистами, в обязательном порядке привлекалось к научной экспертизе всех значительных хозяйственных проектов на территории Сибири. В настоящее время поддерживаемая за счет государственного бюджета наука на востоке страны практически не используется Правительством РФ в качестве своего эксперта, фактически она в этом смысле “отлучена от государства”. В качестве примеров можно сослаться на волюнтаристские решения в отношении золоторудных месторождений Сухого лога и месторождений Удокана; планов захоронения на территории Сибири вредных отходов и уничтожения здесь ракетного топлива. Это является отражением существования сил, не заинтересованных в объективной оценке продвигаемых коммерческих проектов со стороны специалистов, занимающихся этими объектами не один десяток лет» [19, с. 271].

Даже в советской административно-командной системе социогуманитарные науки играли большую роль в подготовке значимых общественных решений. «Общественные науки, — по словам академиков В.Л. Макарова и Д.С. Львова, — играли важнейшую роль. Их лидеры были вовлечены в процесс подготовки основополагающих документов (скрытая фаза), и вся наука занималась комментированием (открытая фаза)» [29, с. 13]. По меткому выражению Е.А. Лукашёвой, «свобода слова, мнений, убеждений, которая, несомненно, существует у нас сегодня, соседствуют с некоторой “глухотой” властных структур к научным оценкам, прогнозам, выводам и предложениям» [27, с. 24].

Но сказанное относится к характеристике современного состояния и оценке краткосрочных перспектив грантовой поддержки науки. В долгосрочной перспективе все выглядит не так мрачно. В программных заявлениях Президента России государственные научные фонды оцениваются как перспективная форма государственной поддержки науки. Наиболее показательным в этом отношении Послание Президента Федеральному Собранию 2001 г. Кстати, в Послании 2002 г. тема науки практически отсутствует. В нем говорится лишь об инновационной политике. Полагаю, это означает, что долговременные программные идеи собственно научной политики изложены в 2001 г., и они Президентом не пересматриваются, хотя активная реализация этих идей, предполагающих глубокое преобразование национальной научной системы, реально отложена, возможно, на второй президентский срок.

Суть этой реформы в прагматизме и эффективности. В переходе от бюджетного финансирования науки «по всему фронту» к финансированию прежде всего приоритетных направлений. В переходе от преимущественного финансирования организаций к финансированию прежде всего конкретных проектов и программ, от финансирования науки через администрацию к ее финансированию через экспертов. Это программа, я бы сказал, либерального государственничества, предполагающая тонкий баланс государственного управления наукой и самоорганизации научного сообщества. Это фактически распространение идеологии государственных научных фондов и технологии их работы на всю национальную научную систему. В послании Федеральному собранию Президент прямо сказал о необходимости перехода к новому механизму финансирования науки, «...в том числе, таким образом, как это уже не первый год делают отечественные научные фонды. Они на конкурсной основе финансируют именно исследования, а не исследовательские учреждения» [33, с. 38].

Но реальная научная политика в последние годы очень далеко уклоняется от этих установок. В результате живой родник грантовой поддержки науки может быть затоптан и превратится в обычную застойную лужу. Жизнеспособная часть научного сообщества всячески пытается предотвратить это. К сожалению, бюрократическое наступление на фонды уже привело к разрушительным последствиям, оно уже вызвало у многих серьезных ученых и перспективных молодых исследователей усиление настроений на отъезд из страны. Возможность полной утраты Россией такой «отрасли», как наука, полагаю, исключена, но чем настойчивее бюрократические упражнения в разрушении прогрессивных форм организации отечественной науки и наиболее эффективных механизмов ее государственной поддержки, тем больший урон будет нанесен науке, являющейся бесценным стратегическим ресурсом России.

Даже в условиях частичной либерализации Россия остается огосударственным обществом, в котором роль государственной власти очень значительна. Реформа науки нуждается в государственной поддержке. К.А. Абульханова-Славская резонно замечает: «Остается надеяться, что огромная научная и организационная работа РГНФ, подъем исследовательской инициативы, выразившийся в объеме и высоком научном уровне предъявляемых проектов, стимулируемых этим фондом, его направленностью на сохранение и развитие российской гуманитарной науки и культуры, лучших в мире гуманитарных традиций, будет поддержана цивилизованными силами российской власти» [1, с. 36].

Это тем более важно, что, по словам авторитетных ученых, «с созданием РГНФ была найдена... исключительно эффективная и оперативная форма взаимодействия научного сообщества и государственных институтов в целях оптимальной организации научных исследований и культурной работы в Российской Федерации» [17, с. 1].

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Результаты конкурса РГНФ 1997 г. в области проблем комплексного изучения человека // Вестник РГНФ. 1997. № 2.
2. Абульханова-Славская К.А., Иваницкий А.М., Мудрик А.В. Комплексное изучение человека, психология и педагогика в первом конкурсе РГНФ нового века // Вестник РГНФ. 2001. № 2.
3. Алфёров Ж.И. Нужно ли России Министерство науки // Независимая газета. 2000. № 34.
4. Апресян Ю.Д., Арутюнова Н.Д., Гаспаров М.Л., Седов В.В., Степанов Ю.С., Топоров В.Н. О научной и издательской политике РГНФ // Поиск. 2000. № 14 (568).
5. Апресян Ю.Д., Арутюнова Н.Д., Гаспаров М.Л., Топоров В.Н. Статус Фонда. Что не надо реформировать в управлении наукой // Независимая газета — Наука. 2000. № 10 (35).
6. Бонгард-Левин Г.М. Гуманитарный научный фонд: задачи трудные, но благородные // Вестник РГНФ. 1996. № 1.
7. Брушлинский А.В., Знаков В.В. В Российском гуманитарном научном фонде. Новые возможности и перспективы развития психологической науки // Психологический журнал. 1998. № 1. Т. 19.
8. Валькова О.А. Формирование научной периодической печати в России в XVIII веке // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. 1997. Годичная научная конференция. Ч. I. М., 1997.
9. Гаврилец Ю.Н. Экономические исследования в грантах РГНФ // Вестник РГНФ. 2001. № 2.
10. Гаврилец Ю.Н. Экономическая наука и ее поддержка на конкурсе РГНФ // Вестник РГНФ. 2002. № 2.
11. Дежина И.Г. Эффект прозрачности // Поиск. 2001. № 6 (612).
12. Если бы Ньютон имел зарплату российского академика, он бы не задумываясь съел «свое яблоко». Интервью с Ю.С. Осинным // Российская газета. 1997. № 15.
13. Зимин Э.П. Факторы отката сферы науки в России // Вестник РГНФ. 1996. № 1.
14. Иванова Е.М. В защиту РГНФ // Книжное обозрение «Ex libris. Независимая газета». 2001. 30 августа.
15. Киселёва В.В., Кузнецова Т.Е. Итоги научной политики 1990—1995 годов: цели и последствия // Вестник РГНФ. 1996. № 1.
16. Климов Е.А., Мудрик А.В., Иваницкий А.М. Психология, педагогика, социальные проблемы медицины и экологии: результаты конкурса 2002 г. // Вестник РГНФ. 2002. № 2.
17. Комеч А.М. Мина под фундаментальной наукой // Культура. 1997. № 40.
18. Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997.
19. Коптюг В.А., Шохин Ю.М. Итоги 1994 г. в Сибирском отделении РАН // Вестник РГНФ. 1996. № 1.
20. Костомаров В.Г. Филологи осваивают грантовое финансирование // Вестник РГНФ. 1996. № 3.
21. Костомаров В.Г. Что есть и что не есть приоритет? // Вестник РГНФ. 1997. № 2.

22. Кузнецова Н.И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII — сер. XIX вв.). М., 1997.
23. Легасов В.А. Мой долг рассказать об этом // Правда. 1988. 20 мая.
24. Лекторский В.А. Результаты работы экспертного совета РГНФ // Вестник РГНФ. 1996. № 2.
25. Лекторский В.А. Философские и социальные науки в РГНФ в 2000—2001 гг. // Вестник РГНФ. 2001. № 2.
26. Лекторский В.А., Огурцов А.П. Риск, отбор и оценка // Вестник РГНФ. 1997. № 2.
27. Лукашёва Е.А. Правоведение: проблемы научные и материальные // Вестник РГНФ. 1996. № 3.
28. Макаров Н.А. Нужен ли науке «гаечный ключ»? // Независимая газета — Наука. 2000. № 7.
29. Макаров В.Л., Львов Д.С. Общественная наука в новой России // Вестник РГНФ. 1996. № 4.
30. Моисеев Н.Н. Аргументы и факты. 1988. № 19.
31. Моисеев Н.Н. Они могут нам пригодиться лет через пять-десять // Поиск. 1992. № 44.
32. Мясников В.С. Самостоятельно — не значит бесконтрольно // Независимая газета — Наука. 2002. № 7.
33. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2001.
34. Раушенбах Б.В. Аргументы и факты. 1988. № 30.
35. Рекомендации науки и корректировка реформ. Интервью с Л.И. Абалкиным // ЭКО. 1998. № 1.
36. Сарабьянов Д.В. Конкурс РГНФ как выражение основных тенденций развития науки (искусствоведение) // Вестник РГНФ. 1997. № 3.
37. Седов В.В. Исторические науки в РГНФ: итоги конкурса 2001 года // Вестник РГНФ. 2001. № 2.
38. Седов В.В. Итоги конкурса РГНФ 2002 г. в области исторических наук // Вестник РГНФ. 2002. № 2.
39. Семёнов Е.В. Мерцающий свет науки. Миссия Российского гуманитарного научного фонда. М.: РОССПЭН, 2001.
40. Семёнов Е.В. Явь и грезы российской науки. М.: Наука, 1996.
41. Степанов Ю.С. Филология и искусствоведение: результаты конкурса РГНФ 2001 г. и итоги научной работы в 2000 г. // Вестник РГНФ. 2001. № 2.
42. Степанов Ю.С., Шелов С.Д. Языкознание: итоги конкурса и результаты работы по поддержанным проектам // Вестник РГНФ. 2002. № 2.
43. Тарасов Б.Н. Конкурс проектов по литературоведению 2001 г.: тенденции и итоги // Вестник РГНФ. 2001. № 2.
44. Что происходит с российской наукой? Беседа Е.В. Семёнова с В.А. Коптюгом // Вестник РГНФ. 1996. № 5.
45. Янин В.Л. Основные проблемы и задачи РГНФ // Вестник РГНФ. 2001. № 4.
46. Ярёмченко Ю.В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М.: Наука, 1997.